

ЯКОВАС ТРИФОНОВАС

**ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ НА
РАЗНОЯЗЫЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ**

Введение. Объективные условия развития многонационального государства выдвигают закономерную потребность во всемерном углублении процессов интернационализации. Это определяется увеличением численности коренных национальностей при одновременном усилении многонациональности населения, изменением этнодемографических структур на фоне миграционных процессов, что обуславливает постоянный рост масштабов непосредственного массового общения представителей разных национальностей, невозможный без дальнейшего развития и расширения социальных функций русского языка как средства межнационального общения и интернационального сплочения.

Русский язык смог принять на себя функцию межнационального средства общения в новых социальных условиях благодаря исторически сложившейся динамичной структуре, которая в силу своей открытости „постоянно обогащается и преобразуется в связи с включением в орбиту ее действия все новых социальных и национальных коллективов“, в результате чего изменяются социальные и национальные сферы его употребления, его функциональные связи с другими языками и взаимные отношения между различными уровнями языка (Динамика структуры современного русского языка, 1982, с. 10).

Одним из конкретных проявлений такого изменения явилось перераспределение функциональной структуры языка, приведшее к изменению функций диалекта, который, изменяясь под давлением лингвистически общих и социологически более престижных тенденций, постепенно приближается к разговорной речи. Особый интерес в этом плане представляют диалектные системы, существующие в условиях иноязычного окружения, которое оказывает консервирующее воздействие на развитие диалектной системы и тем самым определяет ее стабильность. Изучение функционирования таких систем представляет большой интерес как конкретное проявление диалектического характера языковых процессов — диалектики языка как системы и языка как функции в их реальном действии.

Такой характер языкового развития отличает островные говоры русского языка, в частности русские старожильские говоры Литвы, образовавшиеся в результате переселения русских старообрядцев, которые спасались

от религиозных гонений после проведения в России никонианской церковной реформы 1667 г. (Немченко, 1963 а, с. 65—67; Karaliūnas, 1983, с. 23).

Объектом настоящего исследования избран один из таких говоров, образовавшийся в результате дальнейшего продвижения русского населения в начале XX в. с мест первоначального заселения (соврем. Зарасайский, Йонавский, Паневежский р-ны) в северо-западном направлении и слияния нескольких русских старожильческих говоров Литвы (РСГЛ) на новой территории — в центральной части нынешнего Шяуляйского р-на и поэтому именуемый говором русских старожилов Шяуляйского р-на (ГРСШ). В результате немногочисленности его носителей и специфики расселения на новой территории (примерно 300 человек почти одновременно образовали три русские деревни, расположенные на расстоянии 5—7 км друг от друга в окружении или непосредственном соседстве с коренным литовским населением: в 1908 г. — д. Смильгай, в 1909 — Амаляй, в 1910 г. — Гилайчяй) еще больше усилился островной характер говора, выразившийся в его двойной изоляции: не только от материковых говоров русского языка, но и от основного ареала РСГЛ (Непокупный, 1964, с. 7—8, 14—15). По времени и характеру заселения данный говор следует отнести к поздним переселенческим говорам, характеризующимся одновременностью и массовостью переселения и высокой степенью изолированности (Баранникова, 1975, с. 22—31).

Цель данной статьи — изучение отдельных особенностей функционирования данной диалектной системы на иноязычной территории в условиях билингвизма и диглоссии.

В социалингвистическом исследовании проблемы функционирования и взаимодействия языков необходимо определить чисто языковые параметры функционального развития с точки зрения использования разных форм существования языка, разных его подсистем в различных сферах общественной и культурной деятельности людей, с точки зрения результатов длительного применения языка в той или другой функции (Михальченко, 1984, с. 8). Само же функциональное развитие языка всегда обусловлено совокупностью социальных и языковых факторов, в наиболее общем виде представленных языковой политикой, с одной стороны, и языковым состоянием, понимаемым как совокупность всех видов вариативности языка, как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки, с другой (Степанов, 1976, с. 30). В настоящей статье ограничимся анализом фонетической вариативности и самой общей характеристикой вариативности на лексическом уровне. Последняя наиболее отчетливо обусловлена в социологическом аспекте.

1. Социалингвистическая характеристика функционирования фонетической системы ГРСШ. Несмотря на исключительную устойчивость данного уровня языковой системы, фонетический, как и другие уровни, испытывает определенные изменения, обуславливаемые прежде всего внутренними закономерностями языкового развития. Но это не исключает и влияния внешних факторов, которые, как известно, выполняют обычно роль свое-

образного катализатора, ускоряющего или замедляющего внутренние процессы фонетического развития, протекающие в тесном взаимодействии с проявлением тенденций общего грамматического развития.

Материал исследуемого говора подтверждает теоретическое положение о том, что примарные признаки диалекта, представляющие собой „наиболее значительные его отклонения от норм литературного языка или от других диалектов в условиях смешения“ и поэтому служащие „препятствием для языкового общения с инакоговорящими“, не образуют какой-либо неподвижной, статически замкнутой группы языковых явлений (Жирмунский, 1976, с. 389–390). Так, напр., если для носителей ГРСШ старшего поколения в качестве такого примарного признака выступает усечение личных окончаний, особенно в системе глагола, то для молодого поколения — сильное яканье и твердость аффрикат. Результатом такого различного подхода к выявлению наиболее „острых“ диалектных особенностей является различная степень приближения диалектной речи к литературной норме.

Исследование фонетической вариативности данного говора построено на основе выявления диапазона вариаций (*Variationsbreite*) (Fleischer, 1961) таких важнейших особенностей его фонетики, как сильное яканье, дзеканье и цеканье, депалатализация аффрикат, а также некоторых других фонетических явлений. С другой стороны, изучение фонетической вариативности в функциональном плане требует как синхронного, так и диахронного подхода, что предполагает необходимость учета особенностей становления и развития исследуемого говора.

Так как исследуемый говор образовался в результате слияния ряда островных старожильческих говоров Литвы, основные черты его фонетической системы свидетельствуют о его общности с ними. В качестве таких общих черт выделяются: в системе вокализма — недиссимилятивное аканье, сильное яканье, вокализм первого предударного слога после шипящих и /ц/, явления второго полногласия, характер произношения начальных и конечных безударных гласных неверхнего подъема и др.; в системе консонантизма — дзеканье и цеканье, неустойчивость произношения согласного /р/, твердость губных согласных в конце слова, мягкость зубного /с/ в суффиксе -ск-, йотация начальных гласных в местоимениях, упрощение сочетаний согласных в начале и середине слова и др. (подробнее см.: Трифоновас, 19786, с. 90–93).

Однако в говоре русских старожилов Шяуляйского р-на за сравнительно небольшой период его обособленного существования выявились некоторые особенности фонетической системы, отличающие данный говор от других русских говоров Литвы. Наиболее ярко это отличие выражено в твердости аффрикаты /ч/ и сочетаний /шч/ и /ждж/ в соответствии с долгими мягкими /ш'/, и /ж'/ в литературном языке: *час*, *чорт*, *чыста*, *чэсный*, *сичас*, *ничаво*, *чэлавек*, *пчалиный*, *шчас'я*, *шчука*, *рашчот*, *шчэпка*, *шчака*, *шчытац'*; *вожджы*, *дажджы*, *прийажджасяут*, *прийежджый* и т. п. (здесь и далее диалектные слова и тексты приводятся в упрощенной транскрипции). В то же время в говоре

русских старожилов Йонавского района указанные аффрикаты и сочетания согласных произносятся мягко (Немченко, 1958, с. 156—157).

Произношение аффрикат исторически может быть поставлено в один ряд с аканьем и яканьем, которым в наибольшей степени свойственно развитие на основе импульсов внутреннего характера (Орлова, 1959, с. 5—23). Твердость аффрикаты /ч/ и сочетаний /шч/ и /ждж/ следует отнести к числу наиболее архаичных черт, роднящих исследуемый говор с большинством материковых западных говоров русского языка, где данная особенность сочетается с произношением долгого твердого /ц/ в суффиксах причастий (там же, с. 58, 64—65), что также характеризует исследуемые говоры. Но явления, которые нарушают „единообразие звучания, установившегося под действием былых собственно фонетических процессов“, могут развиваться „под действием факторов, вызванных к жизни определенными историческими условиями“ (там же, с. 23). В качестве таких условий, оказавших решающее влияние на сохранение твердости аффрикат, нарушающей характерное для некоторых других русских старожильческих говоров Литвы мягкое их произношение, можно выделить два ряда явлений. Первое — это влияние фонетики белорусского языка, испытанное в период первого переселения отдаленных предков носителей исследуемого и других РСГЛ с территории материковых говоров юго-запада Псковской области как наиболее близких по своим фонетическим особенностям к исследуемому говору (Царева, 1962, с. 58, 61; Филин, 1972, с. 244—254, 296—300) в псковско-белорусское пограничье, точнее, в бывшую Витебскую губернию, о чем имеются исторические свидетельства (Волков, 1866, с. 31—33, 47—51). Такое влияние проявилось главным образом в области консонантизма, так как для белорусского языка наряду с дзеканьем и цеканьем характерно особенно широкое распространение твердости аффрикат (Карский, 1955, с. 46—47; Орлова, 1959, с. 64; Филин, 1972, с. 312). Следы такого влияния сохранились не только в твердости аффрикат, но и в характере дзеканья и цеканья, более близкого к белорусскому типу дзеканья и значительно отличающегося от аналогичных черт современных псковских говоров (Царева, 1954, с. 297) по характеру напряжения и свистящего признака при произношении мягких аффрикат /дз'/ и /ц'/ . Последующие поколения этих русских переселенцев постепенно оседали в Прибалтике — сначала в литовско-латышско-белорусском пограничье, а затем в районах средней зоны Литвы. В пользу такого предположения свидетельствует сохранение твердости аффрикат в пограничных русских старожильческих говорах Латвии, в частности в говоре Дагдского р-на (Новгородов, 1958, с. 353).

На территории раннего заселения (соврем. Зарасайский, Йонавский, Паневежский, Укмергский р-ны) в силу значительного количества переселившегося русского населения и компактности его расселения (Корецкий, 1863; Памятная книга Ковенской губернии, 1914, 1915) образовался ареал островных говоров русского языка, внутри которого языковое развитие, хотя и несколько замедленное иноязычным окружением, продолжалось по общим за-

кономерностям языковых процессов, приведшим к смягчению аффрикат в результате все более усиливающегося воздействия нормализованного типа языка (Орлова, 1959, с. 64). Исследуемый же говор, образовавшийся в результате дальнейшего продвижения русского населения в северо-западную часть Литвы, в том числе на территорию современного Шяуляйского р-на, оказался на периферии языкового ареала островных говоров русского языка. Это и определило его особое развитие по сравнению с бывшим очагом или центром ареала, выразившееся в сохранении черт, утраченных в очаге или центре языкового ареала (Никонов, 1977, с. 212–215). Этому способствовала двойная изоляция исследуемого говора, усилившая изолирующее воздействие иноязычного окружения на развитие внутренней структуры говора, что и определило консервацию его наиболее архаичных черт. Привлекает внимание тот факт, что в отдельных источниках описывается аналогичное развитие фонетики островных русских говоров в условиях иноязычного окружения — напр., сохранение отвердевших сочетаний /шч/, /ждж/ в одном из печорских говоров (Лисенкова, 1964, с. 7–9, 15).

Общие закономерности проявления социальной обусловленности фонетических вариантов диалектной речи определяются: 1) коммуникативной целесообразностью, предусматривающей такой выбор оптимальных языковых средств, которые подходили бы для разных видов речевой деятельности (Леонтьев, 1974, с. 237); 2) градацией населения — носителя русского языка — в зависимости от соотношения в его речи диалектных особенностей (Тарасов, 1974, с. 62); 3) локализацией полудиалектных языковых структур и др. Так, напр., в семейно-бытовой сфере наблюдается значительно большая частотность реализации основных черт вокализма и консонантизма исследуемого говора, чем в официально-деловом общении, а локализация носителей говора в сельской или городской местности определяет устойчивость отдельных фонетических черт.

Важнейшими социальными детерминантами, в первую очередь обуславливающими фонетическую вариативность, являются возрастной и половой признаки (Баранникова, 1972, с. 9–11). Выборочный анализ и статистическая обработка языкового материала показывают, что наибольшая частотность реализации таких особенностей вокализма исследуемого говора, как сильное яканье, вокализм первого предударного слога после шипящих и /ц/, появление протетических звуков в начале или середине слова, характерна для носителей ГРСШ старшего поколения. Так, если частотность реализации самой яркой черты вокализма — сильного яканья — у информантов этого поколения колеблется очень незначительно, в пределах всего лишь 5% (см. табл. 1), то у носителей говора молодого поколения это колебание имеет очень большую амплитуду — от 20 до 95%. Частотность реализации твердости аффрикат у мужчин старшего поколения также колеблется от 94 до 100% и вообще отсутствуют колебания у женщин, в то время как у информантов молодого поколения — от 20 до 83% у мужчин и от 10 до 97% у женщин.

Наряду с вышеуказанными факторами фонетическая вариативность в небольшой степени зависит и от фактора мобильности носителей говора. Так, если у немобильных представителей старшего поколения колебания частотности реализации всех трех основных фонетических черт говора или вовсе отсутствуют (в группе малограмотных), или являются незначительными (составляют 2–3 %), то у мобильных представителей они достигают 6–12 %, причем мобильность характеризует в основном мужчин, что является следствием их большей социальной активности. Значение этого фактора еще больше проявляется у представителей молодого и среднего поколения, где колебания частотности реализации твердости аффрикат, дзеканья и цеканья составляют более 40 % у мужчин и 7–10 % у женщин при одинаковом уровне образования. В то же время разница в вариативности сильного яканья менее значительна в зависимости и от пола, и от мобильности информантов, что объясняется, на наш взгляд, большей близостью данной фонетической черты говора к нормированному произношению по сравнению с двумя другими.

Более высокий уровень частотности реализации отдельных фонетических черт говора у представителей молодого и среднего поколения, имеющих среднее и высшее образование, определяется в большей степени причинами субъективного или частного характера, но в основном и в этой группе проявляется та же обратная зависимость: чем выше уровень образования и мобильность, тем ниже частотность реализации основных особенностей фонетики говора. А уровень образования у информантов молодого поколения, несомненно, значительно превышает уровень образования информантов старшего поколения: 67 % первых имеют незаконченное среднее, 25 % — среднее и 8 % — высшее образование, в то время как 73 % информантов старшего поколения имеют лишь начальное образование, около 20 % умеют читать и писать и около 7 % неграмотны — это главным образом женщины преклонного возраста (по данным Перспективного плана социального развития колхозов, в состав которых входят обследованные деревни, на 1975–1980 гг.).

Изолирующее воздействие иноязычного окружения на фонетическую вариативность исследуемого говора особенно наглядно проявляется при сопоставлении анализа образцов диалектных текстов русских говоров центральной части Литвы, в частности Йонавского р-на, с вышеуказанными характеристиками исследуемого говора. Во всех диалектных текстах русского старожильческого говора Йонавского района не зафиксировано ни одного случая твердости аффрикаты /ч/ или сочетаний /шч/, /ждж/, в то же время другие архаические черты фонетики наблюдаются примерно на таком же уровне частотности, как и в исследуемом говоре (Немченко, 1963б, с. 97–110). В образцах текстов русского говора Игналинского р-на (Сивицкене, 1963, с. 111–113), в зоне литовско-белорусского пограничья, частотность реализации твердости аффрикат приближается к уровню, характеризующему исследуемый говор, колеблясь в пределах 70–80 %. В обоих случаях образцы текстов представляют собой записи диалектной речи носителей говора старшего поколения, малограмотных или неграмотных, о чем можно судить по

содержанию текста или указаниям составителей, поэтому частотность реализации двух других черт фонетики говоров предельно высока (см. табл. 2).

Анализ конкретного языкового материала в синхронном плане в ряде случаев выявил резкие различия в фонетической вариативности, характеризующей отдельных носителей говора, принадлежащих к одной и той же возрастной группе. Изучение индивидуальных социально-лингвистических биографий данных индивидуумов способствовало выявлению сложного и разнообразного взаимодействия внешних и внутренних факторов в процессе функционирования всей диалектной системы говора и в развитии фонетической вариативности, в частности (подробнее об этом см.: Трифоновас, 1978 а, с. 89–90).

Изучение процессов фонетической вариативности в речевой практике носителей исследуемого говора позволяет сделать вывод о том, что современное состояние внутренней структуры данного островного русского старожильческого говора Литвы представляет собой результат диффузного характера взаимодействия сосуществующих в границах исследуемого говора языковых систем и подсистем, обусловленного как внутренними особенностями данных систем, так и внешними факторами.

2. Социолингвистическая характеристика социально-актуализированной диалектной лексики. Социолингвистическое исследование диалектной лексики предполагает выявление функциональной закреплённости тех или иных ее пластов, выделяемых на основе внутрискруктурного или межъязыкового анализа, за определенными возрастными, социальными, профессиональными или иными группами носителей данного языка или говора, что является частным проявлением социальной дифференциации языка, неразрывно связанной с социальной дифференциацией общества (Швейцер, 1983, с. 6). Необходимой предпосылкой успешного анализа проблемы социальной дифференциации языка в целом и отдельного его уровня — лексики — является исследование социальной вариативности языка и речи, которая предстает в двух видах: в стратификационной и ситуативной вариативности (Швейцер, 1976, с. 78–79). Раскрытию сущности социальной дифференциации диалектной лексики в большей мере способствует стратификационная вариативность, непосредственно связанная с социальной структурой общества.

Применительно к целям исследования диалектной лексики стратификационная вариативность может быть представлена в более узком понятии социальной актуализации диалектной лексики, представляющей собой частный случай стратификационной вариативности. Она обуславливается влиянием одного социального фактора — рода занятий или вида деятельности субъектов, что, как известно, всегда находится в тесной взаимосвязи с воздействием целого ряда других социальных факторов.

На основе общепризнанной и широкоиспользуемой тематической классификации диалектной лексики представляется возможным выделить в лексике

исследуемого говора семь тематических групп, в наиболее полном виде отражающих его словарный состав: 1) названия явлений природы, ее растительного и животного мира; 2) названия усадьбы, жилых и хозяйственных построек; 3) названия предметов домашнего обихода; 4) названия одежды, обуви, украшений; 5) названия пищи и продуктов питания; 6) лексика сельскохозяйственного производства; 7) названия предметов и понятий, связанных с ремеслами и промыслами.

Для выявления процессов социальной актуализации диалектной лексики необходимо сосредоточить внимание на тех группах лексики, в которых получили отражение основные качественные изменения социально-профессионального распределения носителей исследуемого говора: расширение круга доступных профессий, появление новых профессий и их определенная закреплённость за отдельными возрастными группами, изменение возрастного состава социально активных лиц и др. Это позволяет выделить несколько групп социально-актуализированной диалектной лексики, характеризующих речевую практику представителей важнейших современных сельскохозяйственных профессий: полеводов, животноводов, сельских механизаторов, сельских строителей и специалистов сельскохозяйственного производства.

Наиболее ярко выраженной социальной актуализацией, на наш взгляд, характеризуется лексика сельских строителей. В ней содержится богатый и разнообразный языковой материал — лексика русского литературного языка, диалектная лексика, заимствования из разных языков. Для ее носителей свойственна высокая степень социальной активности и общественной престижности, сохранившаяся с того времени, когда представители этой профессии были немногочисленны и очень широко известны.

Лексика сельских строителей представляет собой малоизученный пласт диалектной лексики РСГЛ (Немченко, 1961, с. 147—175; Марченко, 1968, с. 73—81). Она охватывает термины и понятия, используемые для обозначения процессов строительства, заготовки и обработки строительных материалов (в прошлом — в основном ручным способом), инструментов и орудий труда, способов организации и оплаты труда и т. п.

При распределении диалектной лексики на основе ее функциональной зависимости от рода деятельности носителей говора и других неязыковых факторов выделяются две большие группы: собственно профессиональная лексика, т. е. слова, являющиеся специфическими названиями, терминами определенной профессиональной группы, и семантические профессионализмы, т. е. многозначные слова, которые получают специфическое применение благодаря своей способности развивать дополнительные значения и сохранять их в синхронном употреблении наряду с основным значением (Баранникова, 1973, с. 111).

В плане социолингвистического анализа особый интерес представляют семантические профессионализмы, которые в своем основном значении

используются всеми носителями исследуемого говора, независимо от рода их деятельности и других социальных детерминантов. Во вторичном или переносном значении эти же слова, будучи всегда ограниченными в возможностях их употребления, в данной речевой общности используются лишь в узкоспециальном значении, характеризуясь строго ограниченным семантическим разграничением, т. е. являются социально актуализированными, напр.: *гнать, ставить, крутить* и их приставочные формы *выгнать, прогнать, поставить, выкрутить, прокрутить* в исследуемом говоре могут использоваться а) в том же значении, как и в литературном языке, — в этом значении они употребляются всеми носителями говора; б) в специальном значении как названия определенных строительных процессов — только в языке сельских строителей, причем в основном старшего поколения (подробнее см.: Трифоновас, 1978б, с. 152—154).

3. Внутривидовое взаимодействие контактирующих языковых систем и подсистем. Несмотря на высокую степень устойчивости фонетики, имеющийся языковой материал свидетельствует о наличии определенных фактов внутривидового взаимодействия контактирующих языковых систем на этом уровне.

И в родной, и в литовской речи русских старожилов старшего поколения иногда наблюдается дифтонгизация отдельных ударных гласных, напр., произношение дифтонгоидов *ʊo*, *ʲe* на месте ударных гласных неверхнего подъема */o/*, */e/* и в родной речи (*мнʲого, зʲрабʲотʲна, Смалʲенска, губʲернʲийу* — 'много', 'заработано', 'Смоленска', 'губернию'), и в литовской (*tʰoki, senʰovėj, kalʲėjimas* — 'такие', 'в старину', 'тюрьма'). Наличие подобных дифтонгоидов в литовской речи русских старожилов даже на месте безударного литовского конечного */ė/* или в других безударных позициях свидетельствует о влиянии особенностей фонетики местных говоров литовского языка, в которых произношение долгих гласных */o/*, */ė/* колеблется от широких */a/*, */æ/* до узких напряженных */o·/*, */ė·/* или дифтонгов и дифтонгоидов */uo*, *ʰo/*, */ie*, *ʲe/* (Zinkevičius 1966, р. 68, 74) (ср.: Гаршва, 1983, с. 159).

В то же время в данном случае можно говорить о сохранении субстрата материнских говоров, так как для некоторых материковых говоров русского языка, правда, в настоящее время не часто, характерно дифтонгическое произношение звуков в соответствии с фонемами */o/*, */e/*, выступающее обычно наряду с недифтонгическим (Русская диалектология, 1964, с. 33).

Поддерживающим влиянием звучания литовского гласного */e/* в первом предударном слоге можно объяснить относительно высокую степень сохранения сильного яканья в речи русских старожилов среднего и молодого поколения, которые с литовским произношением данного звука сталкиваются гораздо чаще, чем с нормированным русским произношением (ср. русское диалектное и литовское литературное произношение: *бʰazʲy* 'беры́' — *degu*, *вʰadʲy* 'веды́' — *vedu*, *вʰazʲy* 'везы́' — *vežu*, *нʰacy* 'несы́' — *nešu*, *сʰacpʲa* 'сестра́' — *sesuo*).

В области консонантизма взаимодействие контактирующих языков имеет место в произношении шипящих и аффрикат, причем влияние литовского консонантизма двоякое. С одной стороны, „закон аффрикат“, характеризующий местные литовские говоры, в определенной мере способствует сохранению их архаической твердости в исследуемом русском говоре: В то же время мягкое нормированное произношение аффрикаты /ч/ и в литовском, и в русском языках оказывает противоположное воздействие, в результате чего такое произношение преобладает в речи представителей молодого поколения и постепенно проникает в речь отдельных представителей старшего поколения.

Определенное влияние фонетики иноязычных говоров особенно наглядно прослеживается в некоторых тематических группах лексических заимствований из литовского языка, в частности в оформлении литовских топонимов (Gaŗšva, Trifonovas, 1977, p. 27–31). В результате проявления общей тенденции к оттягиванию ударения с окончания на корень, характеризующей исследуемый и другие русские говоры Литвы, ударение в заимствованных литовских топонимах всегда переносится с конечного слога на предыдущий, что поддерживается влиянием аттракции части ударения с конца слова на его начальные слоги, охватывающей почти всю территорию жемайтского наречия, в том числе и обследованную местность (Grinaveckis, 1973, p. 38–39), напр.: Буби, Гру́здзи, Кúжи, Шáвли, С'áда, Тэл'шы — ср. лит. литерат. Bubiaĩ, Gruzdžiaĩ, Kužiaĩ, Šiauliaĩ, Sedà, Telšiaĩ.

Наблюдается нивеляция дистинктивных признаков литовских гласных /e/ и /è/, которые в исследуемом говоре в большинстве случаев объединяются в /a/ после твердого или мягкого согласного: Акм'ány, Дуб'ány, Куршáны, Ньвар'ány, Шавк'ány, Шьлány — ср. лит. литерат: Akmėnė, Dubėnai, Kuršėnai, Nevarėnai, Šaukėnai, Šilėnai; замена второго компонента литовского дифтонга /au/ согласным /v/: Давгéли, Кавнác/Кóвна, Таврóги, Шáвли — ср. лит. литерат. Daugėliai, Kaũnas, Tauragė, Šiauliaĩ, что характеризует и другие говоры Литвы (Немченко, 1958, с. 4); генерализация литовских окончаний -iaĩ- и -is, -ė, которые повсеместно заменяются окончанием -ы (после твердых) или -и (после мягких согласных): Смíл'ги, Гурóги, Минéйки, Ужвénты, Рьдзвi-лишки, Кéл'мы, Жагóры — ср. лит. литерат. Smilgiaĩ, Gũragiaĩ, Mineĩkiaĩ, Ūžventis, Radviliškis, Keĩmė, Žagārė.

В процессах генерализации литовских окончаний в говоре русских старожилов Шяуляйского р-на проявляется и такая яркая особенность его фонетики, как твердость аффрикат /ч/, /дж/, а также остаточные явления цоканья, напр.: Бацáйцы | -чы, Буткáйцы | -чы, Гил'вiцы | -чы, Станáйцы | -чы, Гру́жджы — ср. лит. литерат. Bacáičiai, Butkáičiai, Gilvỹčiai, Stonáičiai, Gruzdžiaĩ. Выводы.

1. Динамика языковых процессов на обследованной территории наиболее ярко проявляется в фонетической вариативности, обусловливаемой рядом социальных детерминант, таких как возраст и пол, мобильность, уровень образования и др. 2. Двойная изоляция исследуемого говора усилила консервирующее воздействие иноязычного окружения и обусловила сохранение в

исследуемом говоре отдельных архаических черт, выделяющих данный говор из других русских говоров Литвы. 3. Социальная актуализация диалектной лексики как частный случай стратификационной вариативности представляет собой социально обусловленное функциональное разграничение профессионализмов, базирующееся на их способности развивать дополнительные значения и сохранять их в синхронном употреблении наряду с основным значением. 4. Функциональное и внутривидовое взаимодействие контактирующих языковых систем и подсистем — русского и литовского языков и их местных диалектов — определило постепенную трансформацию структуры исследуемого говора, которая в настоящее время сохраняет свою диалектную основу и одновременно включает элементы трех речевых норм: диалектной архаической, диалектной, сдвинутой к литературной, и литературной. Социально детерминированное соотношение этих элементов в речевой практике носителей говора определяет формирование полудиалекта, приближающегося к разговорной речи. 5. Оптимальные условия для широкого функционирования обоих контактирующих языков на обследованной территории определили развитие массового билингвизма и высокий уровень владения вторым языком

Таблица 1. Частотность реализации основных фонетических особенностей говора в зависимости от возраста, образования и мобильности говорящих, %

Основные фонетические особенности	Старшее поколение		Молодое и среднее поколение		
	с начальным образованием		с 8-летним образованием		с неполным средним и высшим образованием
	немоб.	моб.	немоб.	моб.	моб.
Сильное м*.	100	95—97	85—90	88	75
яканье ж**.	100	100	95	90	20
Дзеканье м.	97	88—100	93	50	25
и цеканье ж.	100	100	95	85	83
Твердость м.	98	94—100	60	20—63	83
аффрикат ж.	100	100	97	92	10

*мужчины, **женщины.

Таблица составлена на основании выборочного анализа диалектных текстов, представляющих расшифрованные магнитофонные записи речи представителей разных групп носителей ГРСШ. Цифры указывают процент реализации основных черт фонетики говора на одной машинописной странице диалектного текста.

Примечание. В речи малограмотных немобильных представителей старшего поколения основные фонетические особенности говора реализуются полностью (на 100 %), у мобильных малограмотных представителей этого поколения и немобильных представителей поколений молодых людей и среднего возраста с неполным средним и высшим образованием — практически не реализуются.

Таблица 2. Сравнение частотности реализации основных фонетических особенностей трех русских старожильческих говоров Литвы, %

Фонетические особенности	Шяуляйский р-н	Игналинский р-н	Йонавский р-н
Сильное яканье	95...100	85...100	100
Дзеканье и цеканье	88...100	75...100	100
Твердость аффрикат	94...100	70...80	—

Таблица составлена на основе сопоставительного анализа диалектных текстов представителей старшего поколения носителей соответствующих говоров.

Таблица 3. Национальный состав трудовых коллективов и относящихся к ним территориально бывших русских деревень

Наименование трудовых коллективов и деревень	Общее кол-во чел.	в т. ч. по национальностям			
		русских чел.	%	литовцев чел.	%
К-з „Раудонасис Спалис“	478	120	25	358	75
в т. ч. д. Смильгяй	186	94	50,5	92	49,5
К-з „Тарибу Летува“	329	106	32	223	68
в т. ч. д. Амаляй	169	96	56,5	73	43,5
К-з им. Калинина	432	118	28	314	72
в т. ч. д. Гилайчяй	241	98	41	143	59
Итого: в трудовых коллективах	1239	344	27,7	895	72,3
в обследованных деревнях	596	288	48,3	308	51,7

Таблица составлена на основе данных хозяйственных книг колхозов по состоянию на 1 января 1975 г.

Таблица 4. Национальный состав сельского населения Литовской ССР Шяуляйского р-на и обследованной территории

Наименование территории	Общая численность, чел.		в т. ч. отдельных национальностей, %			
	1959	1970	русских		литовцев	
			1959	1970	1959	1970
Литовская ССР	1 665 500	1 556 500	3,2	2,6	85,7	87,1
Шяуляйский р-н	42 500	42 200	3,5	2,6	95,3	96,2
Обследованная территория	723	638	62,3	48,3	36,8	51,7

Таблица составлена по данным кн.: Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года по Литовской ССР. Вильнюс, 1971. Т. 1. С. 261, 274, 285—288. Данные по обследованной территории представляют результат статистической обработки данных социолингвистического обследования, сопоставленных с данными правлений колхозов и апилинковых Советов народных депутатов.

Таблица 5. Формы и степень владения вторым языком представителями разных национальностей на обследованной территории

Формы владения вторым языком	Кол-во положит. ответов, %		Степень владения вторым языком	Кол-во положит. ответов, %	
	русские	литовцы		русские	литовцы
Понимают	100	98	Говорят свободно	88	61
Разговаривают	94	85	Говорят с затруднениями	6	24
Читают и пишут	79	71			

Таблица составлена по результатам статистической обработки данных социолингвистического обследования. Процент положительных ответов исчисляется по отношению к общему числу обследованных информантов — около 600 чел.

Таблица 6. Функциональное распределение литовского и русского языков на обследованной территории, %

Сферы использования языков		Обследованные населенные пункты					
		Амалай		Гилайчяй		Смильгяй	
		русские	литовцы	русские	литовцы	русские	литовцы
Язык общения в семье	рус.	100	—	100	—	100	24
	лит.	20	100	46	100	20	100
На работе, в школе	рус.	50	48	72	63	85	54
	лит.	94	96	96	100	91	100
Язык публичного и официально-делового общения	рус.	20	9	24	3	15	4
	лит.	80	91	76	97	85	96
Язык чтения книг, газет	рус.	74	44	46	57	60	48
	лит.	76	92	84	99	63	98
Язык радио, ТВ	рус.	100	78	100	75	96	88
	лит.	92	98	90	100	87	100

Таблица составлена по результатам статистической обработки данных социолингвистического обследования, процент исчисляется по той же методике, что и в табл. 5.

J. TRIFONOVAS

KALBINIŲ PROCESŲ DINAMIKA ĮVAIRIAKALBĖJE TERITORIJOJE

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjamos Šiaulių rajono rusų senbuvų tarmės funkcionavimo ypatybės. Tarmė susiformavo susiliejus kelioms Lietuvos rusų tarmėms, kai rusai senbuviai persikėlė iš centrinės Lietuvos dalies į šį rajoną XX a. pradžioje. Iki Tarybų valdžios atkūrimo Lietuvoje tarmė buvo izoliuota nuo pagrindinio rusų kalbos tarmių ploto ir kitų Lietuvos rusų tarmių. Dėl tos priežasties kai kurios archaiškos tarmės fonetinės ypatybės išsilaikė iki mūsų dienų. Tai išskiria ją iš kitų Lietuvos rusų tarmių.

Tarmės funkcionavimas bilingvizmo ir diglosijos sąlygomis nulėmė esminius jos pasikeitimus. Tarmę nuolat veikė vietinės lietuvių kalbos tarmės ir lietuvių bei rusų literatūrinių kalbų normos. Tie pasikeitimai priklausė nuo kalbinių kontaktų pobūdžio, kurį nulėmė įvairūs nekalbiniai faktoriai (kalbančiųjų amžius, išsilavinimas, socialinis aktyvumas, mobilumas ir kita). Dabartinė transformuota rusų senbuvų tarmės struktūra išlaikė savo tarminį pagrindą ir turi trijų kalbinių normų elementų: archaiskų tarminių; pusiau tarminių, panašių į literatūrinės kalbos; literatūrinės kalbos. Dėl to tarmėje formuojasi trys pusiau tarmės (Halbmundart), būdingos įvairioms kalbančiųjų amžiaus grupėms.

Rusų ir lietuvių kalbų tarminės ir norminės (literatūrinės) sistemos tiriamosios tarmės atstovų kalboje papildo viena kitą. Optimalios sąlygos vartoti abi kalbas lėmė masinį bilingvizmo pobūdį, gerą antrosios kalbos mokėjimą. Daugelyje bendravimo sferų vartojama lietuvių kalba, rusiškai bendraujama šeimoje. Būdama visų TSRS tautų tarpusavio bendravimo priemone, rusų kalba greitai lietuvių kalbos plačiai vartojama kultūriniame gyvenime, masinės informacijos srityje. Rusų kalbos poreikį kitose sferose nulemia internacionalinių gamybinių kolektyvų susidarymas.

J. TRIFONOVAS

DYNAMIK DER SPRACHPROZESSE IM MEHRSPRACHIGEN TERRITORIUM

Zusammenfassung

Im Artikel werden die funktionellen Besonderheiten des Dialektes der russischen Urbewohner im Rayon von Šiauliai behandelt. Der Dialekt entwickelte sich Anfang des 20. Jh. bei der Verschmelzung einiger russischer Dialekte Litauens, als die russischen Urbewohner aus dem zentralen Litauen in dieses Gebiet übersiedelt sind. Bis zu jener Zeit war der Dialekt von anderen russischen Dialekten isoliert. Deswegen sind einzelne phonetische Besonderheiten des archaischen Dialektes bis heute erhalten geblieben. Eben das unterscheidet diesen Dialekt von den anderen russischen Dialekten Litauens.

Die Funktion des Dialektes machte unter den Bedingungen des Bilinguismus und der Diglosie einen wesentlichen Einfluß auf seine Veränderungen. Der Dialekt wurde ständig von dem örtlichen litauischen Dialekt und der Norm der beiden literarischen Sprachen beeinflusst. Ihre gegenseitigen Beziehungen veränderten sich abhängig von dem Entwicklungsstand und dem Charakter der sprachlichen Kontakte, die verschiedene nicht sprachliche Faktoren bedingten (das Alter der Sprechenden, ihre Ausbildung, soziale Aktivität usw.).

Die Struktur des gegenwärtigen umgeformten Dialektes der russischen Urbewohner erhielt ihre Grundlage und enthält die Elemente von drei Sprachnormen: der Norm des archaischen Dialektes; der Norm des Dialektes, der nah der Literatursprache ist; der Norm der Literatursprache.

Deshalb entstehen im Dialekt drei sogenannte Halbmundarten, die für verschiedene Altersgruppen der Sprechenden typisch sind.

Die in der Sprachpraxis gebräuchlichsten dialektalen und literarischen Systeme der russischen und litauischen Sprachen ergänzen einander. Die optimalen Voraussetzungen beim Gebrauch der beiden Sprachen bestimmen den Charakter des Bilinguismus und gute Beherrschung der zweiten Sprache.

Beim Umgang wird meistens die litauische Sprache gebraucht. Russisch wird in der Familie gesprochen. Als Umgangsmittel aller Nationen der UdSSR wird sie breit im Kulturleben und als Massenmedien gebraucht.

Die Bildung der internationalen Produktionskollektive bedingte die Verbreitung der russischen Sprache.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И. О соотношении внутренних и внешних факторов в развитии диалектных систем // Тез. IV диалектологич. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтийских республиках. Вильнюс, 1972. С. 9—11.
- Баранникова Л. И. Введение в языкознание. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1973.
- Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // ВЯ. 1975. № 2.
- Волков В. Сведения о начале, распространении и разделении раскола в Витебской губернии. Витебск, 1866.
- Гаршва К. Развитие двуязычия в Литовской ССР // Тр. АН ЛитССР. Сер. А. 1982. Т. 3(80).
- Гаршва К. Сопоставление фонологических систем литовского и русского языков // Kalbų kontaktai Lietuvos TSR. V., 1983.
- Динамика структуры современного русского языка. Л., 1982.
- Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика. Проблема социальной дифференциации языков // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 235—252. 386—400.
- Карский Е. Ф. Белорусы. Вып. 1: Язык белорусского народа. М., 1955.
- Корецкий П. И. О раскольниках в Ковенской губернии // Памятная книга Ковенской губернии на 1863 г. Ковно, 1863.
- Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Лисенкова Д. Т. Русский старожильский говор села Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1964.
- Марченко Е. З. Названия некоторых хозяйственных построек в русских говорах Зарасайского района Литовской ССР // Диалектологический сборник / Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1968. Т. 92. С. 73—81.
- Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.
- Немченко В. Н. Словарный состав говора русского населения Йонавского района Литовской ССР // Учен. зап. вузов ЛитССР. Языкознание. Вильнюс, 1961. Вып. 3.
- Немченко В. Н. Фонетические и морфологические особенности говора русского населения Йонавского района Литовской ССР // Учен. зап. Вильнюсск. гос. ун-та им. В. Капсукаса. Языкознание. Вильнюс, 1958. Т. 26. Вып. 1.
- Немченко В. Н. Русские старожилы Литвы и их говоры // Учен. зап. вузов ЛитССР. Языкознание. Вильнюс, 1963 а. Т. 7. С. 63—86.
- Немченко В. Н. Образцы текстов русского говора центральной части Литовской ССР (рассказы, сказки, заговоры, песни, частушки, загадки, пословицы и поговорки) // Учен. зап. вузов ЛитССР. Языкознание. Русские говоры в Прибалтике (сб. ст.). Вильнюс, 1963б. Т. 8. С. 97—110.
- Непокупный А. Н. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.
- Никонов В. А. Очаг и периферия // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1977.
- Новгородов М. А. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильского населения Дагдского района Латвийской ССР // Учен. зап. Даугавпилс. гос. пед. ин-та. Даугавпилс, 1958. Вып. 1.
- Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
- Памятная книга Ковенской губернии на 1905—1914 гг. Ковно, 1914.
- Памятная книга Ковенской губернии на 1915 г. Поневеж, 1915.
- Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Сивичкене М. К. Образцы текстов русского говора Игналинского района Литовской ССР // Учен. зап. вузов ЛитССР. Языкознание. Вильнюс, 1963. Т. 8. С. 111—113.

- Сивицкене М. К. О двуязычии сельского русского населения Литовской ССР / *Socialinės lingvistikos problemos*. V., 1979.
- Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // *Основы теории речевой деятельности*. М., 1974.
- Трифоновас Я. С. Функционирование и взаимодействие русского и литовского языков в Литовской ССР: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978а.
- Трифоновас Я. С. Основные особенности вокализма и консонантизма островного говора русского языка // *Проблемы внутренней и внешней лингвистики*. М., 1978б. С. 88–96.
- Трифоновас Я. С. Явления социальной дифференциации диалектной лексики в островном говоре // *Проблемы внутренней и внешней лингвистики*. М., 1978в. С. 144–155.
- Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Царева Л. И. Говоры юго-западной части Псковской области (фонетика и морфология): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
- Царева Л. И. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // *Псковские говоры*: 1. Псков, 1962. С. 58–76.
- Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976.
- Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
- Garšva K., Trifonovas J. Lietuvių vietovardžių tarimo ypatybės Šiaulių rajono rusų senbuvų šnektose // *Mūsų kalba*. 1977. Nr. 6.
- Grinaveckis V. Žemaičių tarmių istorija (Fonetika). V., 1973.
- Karaliūnas S. Respublikos lingvosocialinės situacijos charakteristika // *Kalbų kontaktai Lietuvos TSR*. V., 1983.
- Šiaulių Metraštis 1918–1938. K., be datos.
- Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. V., 1966.